

хлопали, какая ты молодец! – но вот снова Тоска с улыбочкой проходит на кухню, садится на табуретку, и они молчат ночь напролет непонятно о чем.

Проснувшись она утром-утром (чего с ней не было уж давно); пахло бабушкиными оладьями и ледкарствами (деревенские пледы, деревенский гардероб). Люба поднялась, потеряла простуженные кости, вытряхнула из турки кофейный налет, взяла зубную щетку и пошла к умывальнику – из крохотного зеркала на нее смотрела старуха.

– Ешки-барашки! – вскрикнула она, хотя вообще-то собиралась сматериться (но слова катились не те), и в ужасе присела.

Так! Так! Спокойно! Может, это какой-то фокус-покус, а не зеркало?

Люба встала бесстрашно.

Морщины, в которые можно редьку сажать, глумливые бородавки у левого края рта, волосы, белые, как молоко, сгорбившийся нос с клюшкой – рука послушно двигалась в зеркале, ощупывая разруху.

Сперва она, конечно, огорчилась: не прокачаться ей теперь на велике, не сходить подэкснить в клуб, не позаниматься йогой, не познакомиться с красивым мальчиком, не почитать книжку без очков, не забраться на Эверест – вся прошедшая жизнь свернулась в одну глумливую фигу. Но скоро в ее рассуждении обнаружилась и выгода: будут теперь в метро место уступать, больше не надо суетиться, ходить на йогу, в клуб, на свидания с красивыми мальчиками – еще и пенсия к тому же! (Но почему так быстро? Почему?)

– А говорила мама, не морщи лоб, а то состаришься... – проворчала она и пошла обратно в комнату, все охая да подбочиваясь.

В новых обстоятельствах ее вполне устроило бы просто полежать на диване и посмотреть в окно (а то в спине стреляет), но она посмотрела на пустую турку, посмотрела на газовую плитку (портативную, неудобную) – и поняла, что кофию-то нетуть.

Ну тут Люба (хотя уже не Люба, а Любовь Сергевна), скрипя суставами и половицами, с мукой и жмурками, за полчаса, с Божьей помощью, оделась (сгодились бабкины вещи и трость с загогулиной – еще меховую шапку из какого-то буйвола нашла), бросила на зеркало взгляд – лубок ходячий – да на варикозных ногах своих пошла до сельпо потихоньку.

Идти было восемь километров – и хоть бы кто подвез! Э, нет! – кому бабка бедная сдалась! А главное, дымочек-то теплится у всех – и рожи к стеклам поприлипли, сучье племя прохиндейское! А по такому снегу пока дойдешь – состаришься вдвое, ох, е-е-ей!..

Мимо трусил бродячих цветов пес Алтай (черноый; это была какая-то поддельная овчарка). Он понюхал руку Любовь Сергевны и вместо того чтобы проводить (как обычно делал со скуки), облаял и убежал в кусты.

– Ну что за!.. Даже пес шкерится! Кудой это все котится...

А сверху бестолково лыбилося морозное солнце. Зимой всегда так: только забудешь про солнце – и вдруг явится. И небо такое голубое, что снег режет по глазам; и знаешь, что тепло только кажется, но все равно спину лучикам подставляешь... Даже укутанная, как капуста, сморщенная, как курага, Любовь Сергевна, выпутывающая ноги из снега все трудней и трудней, – и та подставляла. Да! Не сахар восемь километров пешкодрала! И дернул же ее черт на кофий подсесть!.. А дома огурцы незасоленные, сканворды нерешенные, ой-ой-ой!

Чалилась она, несчастная, пыхтя, по ослепительной колее совсем одинешенька – дома и заборы уже поределели, пошел вместо них лес. Вдруг – поднимает глаза, дух перевести, и видит: чудо из чудес – автомагазин. Газелька, с навесом синим, в какую-то снежную обочину вжалась. И на боку у нее:

*Табак
Открыто
Входите*

Любовь Сергевна и вошла.

Автомагазин весь состоял из табака: прилавок был из картонных коробок, а стены наглухо обклеены пачками (и все «Данхилл», «Парламент», забугорные даже). Рекламными голосами со всех сторон вопило: «Гангрена! Мучительная смерть! Мертворождение! Онкология!»

– Сигареты для бабушки?

На нее смотрел депрессивный молодой человек, почти растворившийся в дыму, – с сигаретой в зубах, понурой физиономией, смуглыми глазами, в футболке Radiohead. Было видно, что ему тяжело. Это не было что-то конкретное – скорее, гравитация: тяжесть, с которой борешься каждый день.

– Я тебе не бабушка, – прошамкала Любовь Сергевна. – Мне кофе надо.

– Кофе нет, уважаемая небабушка.

Любовь Сергевна смотрела, причмокивая, на синий дым, обползший все помещение (и свет от лампы расходится ниточками):

– Ты чего такой курилка? Это вредно.

– Я специально. Сигарета – это маленькая смерть. Хотите? – Он протянул пачку «Галуаса»:

Но продавец уже поставил с телефона какую-то удивительно грустную, закрадывающуюся прямо под ребра песню – гитара дергала точно те веревочки, от которых в душе не оставалось ничего, кроме сухой тоски – той самой тоски, которой хочется подавиться.

из которой смотрелись рыжехвостые, даже как-то сладковатые сигареты. – Заграничные.

– Табак черт придумал.

Она постояла-постояла, но соблазнилась и прикурила от аккуратно шелкнувшей «зиппо»: дым, продирая, пробежался по легким.

– Вы присаживайтесь. – Табачный искуситель освободил ей табуретку.

– Ну спасибо, сынок, уважил. – Она затянулась, но неумело, как курят дети, и горько закашлялась. – А самое глупое, что мне только двадцать один...

Продавец посмотрел на нее пристально:

– Бывает.

– Это тебе хорошо – смерть в шею не дышит, вона и балуешься. – Она затушила сигарету в хрустальную пепельницу, но какое-то омерзение еще бегало на языке.

– Это только кажется. Смерть всегда в шею дышит, – ответил продавец флегматично. – Вы танцевать не пробовали?

– Что-что?

– Танцевать. Это молодит и душу, и тело.

– Ха-а-а! Над старухой смеешься? А я не старуха!

Но продавец уже поставил с телефона какую-то удивительно грустную, закрадывающуюся прямо под ребра песню – гитара дергала точно те веревочки, от которых в душе не оставалось ничего, кроме су-

хой тоски – той самой тоски, которой хочется подавиться, – и прижигать окурки в руку.

*Look into my eyes,
I'm not coming back.*

Любовь Сергевна с удивлением заметила, что нога начала притоптывать, тело принялось качаться – и вот она уже на ногах, дрыгает плечами в каком-то отрешенном аутичном танце.

Песня, ударив последним проигрышем, исчезла – Любовь Сергевна, не веря, смотрела на свои руки: они снова были гладкие, нежные и просто лопались от молодости. Она зазвенела и завизжала:

– Сработало-о-о! – И подскочила продавцу прямо в объятье. – Спасибо вам!

Но уже через секунду в его руках снова была старуха.

– Хм-м-м. Значит, все-таки есть привязка к месту. – Он стоял, сложив руку-пистолет у подбородка. – Вы далеко живете?

– Нет-нет, совсем нет! Метров пятьсот. – Тут она вспомнила свою дорогу. – О-ох...

– Пойдемте.

Он накинул бушлат и надвинул шапку (все не туша сигареты), Любовь Сергевна – робко – за ним. И хотя суставы пискляво молили о пощаде, под ногами снова закрипели мороз и снега.

– Меня зовут Сам. Как Сэм, только через «а», – сказал продавец, отправляя на воздух очередной цеппелин из дыма. – Я по деревням езжу и духов гоняю. Вы, по всей видимости, прокляты.

– Я-то? – Любовь Сергевна не все слова могла дослышать (на такой-то скорости!).

– Похоже, поработала серьезная ведьма. Вы ни с кем, случайно, не ссорились?

– Да я говорила-то с вами первым за неделю.

Сам кивнул со знанием дела:

– Тоска?

– Ну да. Русская такая – просто эх! И ведь обо всем на свете: что не сбылось, что прошло, что сейчас проходит, что никогда не пройдет... Я думаю, это у нас в природе – тосковать, потому что девять месяцев только сугробы и печка.

– Так работает бес уныния, – веско бросил Сам. – Потом приходит бес блуда и говорит: пошли, развеемся! Тут-то и ловит.

– Они у вас стратеги прям какие-то!

– Генералы.

Мимо пробежал Алтай (язык высунув кайфово) – он вдруг замер и залаял на них злобно. Но тут же как бы забыл и побежал себе дальше.

лодец. Ага – вот и Маруська по снегу чапает: домой с ведром идет – буль-буль-буль – обалденная...

– Здравствуй, Алтай! – Красивая, как фуфырики, и прическа-луковка. Только грустная чего-то. – Опять всех провожаешь?

– Аф! Аф!

– Какой ты джентльмен!

У нее ноги до неба, руки хваткие, как у мартышки, и такие вкусные валенки! От такой и Алтай с ума сойдет, ага.

– Уф-ф! Аф-аф!

– Чернющий какой! Тебя бы помыть...

Калитка лязгнула – аж досюда дымом с шишкой пахнет. У них вообще кошки дома, но не слишком противные. Каши бы теперь, э-э-эх!

– Сейчас, принесу тебе что-нибудь вкусненькое.

Ушла, ускрипела. Алтай не скучает, можно понюхать ее следы. У-у-у-у! Да это же каша!

– Кушай, кушай... – А сама подсела на корточки и растеклась щекой на кулачок. – Хорошо тебе, Алтай, никаких у тебя проблем нет...

У, какая каша! Вот это каша так каша!

– А у меня мама ведьма.

Да там еще на миску налипло с прошлого раза. Ого! Это же кошачий корм!

– И бабушка ведьма. У нас все ведьмы. – Маруська сидит, такая красивая и обреченная. – Сегодня я тоже ведьма стану – без вариантов. Солнцестояние зимнее.

– Ам-ам-ам!

– А я не хочу быть ведьмой! – Маруська совсем растеклась в ладони и расхныкалась. – А если не соглашусь – мама из дому выгонит.

– Аф-аф-аф-уф!

– Не хочу быть ведьмой. Вообще не хочу быть. – Она лицо достает и грустной рукой дотрагивается до загривка, и эти руки – они о-бал-ден-ны-е!!! – Алтай-все-знай... Счастливчик ты чернявый...

Ну все, дальше побежал – авось еще где хавчик перепадет. Спасибо! Калитка лязг, и лапы в пляс!

Так, ну тут эти цветастые, они мяса не едят, с них просить неча. Смешной же язык этот человеческий – все бубнят и бубнят. О! Бобик, братик! Давно хвосты не нюхали!

– Аф, аф, аф, аф!

– Уф-уф, уф-уф, уф, уф, уф!

– Аф, яф, яф-аф-аф, аф!

– Уф, фуф, фувыф, выф, ыф.

– Аф, аф, аф! Ну ладно, я пошел, пока!

– Покедова!

Весь облез, совсем старик, а сам только на два месяца старше... Это потому что с цветастыми во-

дится и молоко одно хлещет. Э, жисть! Еще территорию пометить надо успеть... Так. Стопэ. Почему Алтай сам не допетрил до этого? Назад-назад-назад! Но как он ей объяснит? Оп – а тут у нас в заборе дырень, ага. И дверка открытая...

– Алтай, хитрая жопка! Я же тебя покормила. Фу! Не надо на кровать!

– Аф-аф! Уф-уф!

– Ты что-то хочешь сказать?

– Аф-уф!

– Про обряд? Ты что-то знаешь? Ну чего ты по полу катаешься?

За ухом затрепала и посмотрела со своими глупыми глазами. Ну Маруська, ну как ты не понимаешь, тятя ты такая!

– У тебя лапка болит?

Нет, надо поубедительней.

– Ау-ау-ау-ау-ау-ау-ау-ау!!!

– Ладно, пошли, только не лай. Сейчас рюкзак соберу.

У-у-у, вот побегаем! Солнце закатилось почти – красное, просто пчела! А Алтай пчел любит, она забавные и веселые – особенно когда улей перевернешь и бегаешь липкий, и они потом жужжат в паху. Э! Ну долго она там?

– Извини, Алтай, рюкзак найти не могла. Пошли.

Это мы умеем! Нет, не сюда, а через лес – тут мы с братишками дорогу набегали. В снег только не падай, а то шерсть намочишь, ага.

– Ты знаешь, что ты на черного пуделя похож, Алтай? Или на овчарку? И хвост замусленный такой! Хи!

Сама замусленная! Алтай-все-знай, Алтай-погуляй! Так, так, этот куст пометил Фуфик. Так. Так. А тут уже старина Боб пасется.

– Знаешь, Алтай. Я сон сегодня видела. – И шлепает со своим рюкзаком: э, кабы не завязла! – Во сне этом наш дом весь разваливается... как будто корабль в воде долго простоял: разлагающаяся ракушка такая или песок гниющий... И что он всегда такой на самом деле был.

– Аф! Аф! Уф!

– И там женщины голые были, у каждой по ведру между ног... И они собираются пить кровь, но их обступает кто-то – с головами как видюшники для кассет: видел, у дедушки стоит три штуки? Вот, и эти с головами-видиками обступают мою маму, – а она там главная смотрела, – видики с голов скручивают и бьют ее – до смерти бьют, а потом разбегаются, как на звонок. И деревья из леса как бы все выдергиваются.

– Аф-аф-аф-аф!

– Блин... Я уже рассказываю свои сны собакам...

Балда! Там ручей незамерзший! Ну да ладно, еще успеем выдохнуть. Темно тебе, Маруська? А Алтай и так умеет – правда, все серое, но для краски есть нюх. Алтай-нюх-нюх, Алтай-все-видать – даже жопку ежика.

– Алтай, куда ты меня ведешь? – Озирается Маруська, не доверяет, значит. – Уже темно, Алтай! Где мы?

Да, а вот тут переправа, кстати. Надо только... Ну нет!

– А. – Маруська очень стройная и медленная пошла. – Пограничники...

Коты – ровно девять штук – перегородили со своими партизанами бревно для переправы. И драные же, сукины дети! Раньше хоть речка промерзала, можно было разбойников обойти, а теперь все отходы разъели.

– Мр-мяу! – один из них, рыжий, с серьгой и египетским загаром, говорит.

Паршиво, что Алтай по-ихнему не знает.

– Аф-аф-аф-аф, – им отвечает.

Те мяучат, Алтай лает – еще вороны слетелись поворчать для полного концерту.

– Ты погоди. – Маруська в рюкзак руку запустила. – Не бойтесь, мы не вредные. Держите!

И кидает им рыбину отменную. Даже Алтай бы не отказался! Но не тут-то – коты на рыбу глаза вытопырили, с презрением эдак – они, дескать, серьезные коты и аристократы, а не шантрапа какая-то.

– М-м-мяу! – Их атаман покривился ноздрей.

Алтай, конечно, не растерялся и рыбку давай сам точить. Ну а тут Маруська в рюкзак и за ножик, что с кухни стибрила, возмись. Алтай не даст! Алтай аф-аф-аф! А эта балда себе по ладошке – и нож с кровью, хвастливо так, этим безобразникам тянет, как билетик.

Хвосты попрытав, в усы подув, коты от этой выходки разошлись с трусливыми носами. Алтаю рыбки, конечно, было жаль, но зато, пока шел по бревну, этим сукиным детям языки показывал, ага.

На той стороне Маруська даже на корточки села и за шею взяла, в глаза прям говорит:

– Алтай, тут ведь кончается мамин лес?

– Аф! Аф!

– Тут же может быть опасно?

– Аф! Аф!

Вся нехотя вздохнув, она встала и посмотрела туда и сюда. Потом на дерево – усталое такое – уставилась и застыла, сама как дерево. Алтай за ухом почесал и дальше смотреть, ага. А Маруська расслабилась вся и с лесом начала дышать – и вся

заинзивилась: деревья в черном любопытно обступили ее, а она давай танцевать, мама не горюй! И ветки на нее смотрят, довольные, и обнимают, а у нее руки листьями покрываются, и жучками, и бабочками, – а Алтай давай скулить и не понимать, и не знать, совсем-совсем не знать, угу!

Ветер по макушкам дунул мощный, деревья охнули и поклонились – они у нас о-го-го старички: а повыше – из-за бледного тумана подглядывает подлая луна, и сосны от ветра закачались, поклоны раздавая, и запах странный поднялся: очень нехо-роший, как селедка в слюнях вся.

– Ау-ау-ау-ау, аф!

– Тише.

И впрямь – тише стало, даже ветер не двигается. Из-за плоских веток – как будто бы его кусочком была, – выходит голая, с грудями и кустиком под животом: длинные волосы, светлые, на иву похожие: бледно-голая, на белом-белом снегу.

– Ирочка! – Маруська ткнулась к ней, но внешне зачем-то остановилась на половине пути. – Так ты же в город уехала, нет?

– Иногда я и город навещаю, – улыбнулась эта Ира хищная капельку. – А ты что тут забыла, сестричка?

– Да мама... сказала в обряде участвовать, а я не хочу! Я в университет учиться хочу, а не вот эти вот полеты на метле и заговóры...

У Иры – Алтай все разглядел – было текучее какое-то лицо, как мертвая ракушка: и глаза белые, и ноги – глыбы. Ира подошла и протянула Маруське лапу. Такую тонкую и когтястую лапу Алтай никогда-никогда бы не взял, нет!

– А этот кто? – Ира глянула на Алтая, как самая старшая утка здесь.

– Это Алтай, он меня привел сюда.

– Ишь, черненький какой. Привел! На ту сторону, небось, водишь?

А эта Ира не только голая, но и мудрая! Бывает, Алтай батрачит, да.

– Ладно. – Ира погладила небрежно. – Пусть с нами будет. Хватай его.

Ай-ай-ай! Алтая нельзя на руки – испачкаете же! Фу – человеком пропах... А Ира за лапу Маруську хватить – и полетели, что ворона твоя, ага.

Выставив руку, голая Ира летела, а Маруська с Алтаем болтались хвостом. Летели не по лесу, не под лесом и не над, а как-то сквозь. Ветки хлещут – знакомые кроты – промерзшая земля – дуб какой-то – дупло светится как костер – дверь отлетает. Прямо в яму и влетели.

Никого в дубовой этой яме не было, даже мышей: только жирные черные змейки, а на земле

В удачный момент Алтай разжал зубы: они летели повыше мутных облаков, прямо под фиолетовой простыней – пульнуло их как следует. Вблизи луна уже не казалась такой бандиткой: она протягивала свои лучи – голая, бездымная, – приглашая на раут в высшем собачьем обществе, но их уже потянуло вниз, как будто они налопались каши – вниз, к сугробам и непонятностям – вниз.

огромная железная коробка жужжит и синим по-маргивает, как хитрый китаец (Алтаю доводилось беседовать с китайскими собаками-беженцами – странные собаки; и еще они очень плохо играют в карты).

– Что это такое? – Маруська поставила Алтая на место.

– Сервер. – Ира похлопала коробку как что-то живое. – Здесь спасение наше.

– От кого?

– От мамы. – Ира, вся растекаясь и болтаясь, как сопля в речке, заходила ходуном. – Я еще в детстве подумала: дом, школа, скрипка, ведьмовство – если это все от мамы, навязано мамой, то где, получается, я?

– Ты зря на нее сердисься...

– Сказала избалованная младшенькая!..

– Ну хватит уже. Я не понимаю, при чем тут сервер?

– Это замена клану мамы и остальным кланам.

Киберведьмы.

Маруська помолчала минутку и почесала за ухом:

– А это... не перебор?

– А по-твоему, лучше домохозяйкой или так по кланам и бегать? Проекция, как видишь, у нас очень приличные – ты даже не догадалась, что меня оцифровали.

– А по-другому нельзя?

– Аф! Аф!

Стоят, болтают – одна с луковкой на голове, другая с ивой на голове, – а главного-то не замечают, что все затряслось, заходило, и засыпало, и зарычало!..

– Что это? – Маруська заметила, Маруська молодец.

– Мамочки!.. – Ира накрыла рот, полный ужаса.

– Но это же вроде не ее лес?

– Мы аренду забыли продлить... Так, приготовься, будем колдовать.

– Будем – что?

Потолок как-то весь съело, и тело, голое, как луна, показалось – но не целиком, нет, влез только кусочек, – такое огромное! И даже не просто кусочек, а гигантская грудь с соском, размером с мяч футбольный (Алтай, на него глядя, припомнил детство, съежился и заскулил). А грудь уплыла из ямы – появилось лицо: ужаснозубая, с волосами-горгонами и какими-то яблоками вместо скул, да еще и голос такой, что только прятаться:

– ОПЯТЬ КУРОЛЕСИШЬ! А НУ!

Алтай перетрухнул мальчика и наделал, но тут же зарыл в землю, ага.

А та дым какой-то в головы запустила – и мысли сразу душные: типа – да хорошая мама, ну размером с многоэтажку, ну и ладно. Алтай-то-все-про-все-знай, но этот дым дурацкий!..

Ира, дыма не выдержав, свои колдовства бросила, запрыгнула маме в рот, за зубища эти, и укрылась языком как одеялом.

– ТЕПЕРЬ ТЫ, МАРУСЯ!

– Мама! Я не маленькая! – сказала Маруська, как маленькая.

И ветер со всех сторон такой ух, и какое-то головокружение, и все вдруг бледное, как смерть, – и мама эта ручищу пытается запустить, Маруську ловить, но рука большая, и лицо сунуть некуда, хватать приходится наобум. А Алтай с Маруськой кругом мотыляются (коробка с сервером просто катается по углам), и Маруська еще дразнится, балда:

– Я! Не буду! Ведьмой!

Мама рассмеялась и растрясла всю яму этим хохотом (и вся земля с ней вместе – о-хо-хо! о-хо-хо-хо!). А потом она убрала руку и сунула глаз посмотреть, но промахнулась и попала грудью.

– Аф! Аф! – И дернуть Маруськину штанину.

– Что такое, Алтай?

– Аф-ф, аф-аф-аф!

Алтай собакой поклялся бы, что Маруська на секунду стала понимать по-собачьи. Она сделала, как Алтай и сказал: уцепилась ему в хвост и подняла над головой повыше, а уже там, наверху, Алтай от души куснул этот непомерный сосок, ага.

– А-А-А-А-А-А! – завопило все вместе с этим соском и с этой грудью (способной и прибить) – Алтай и Маруська полетели наверх.

В удачный момент Алтай разжал зубы: они летели повыше мутных облаков, прямо под фиолетовой простыней – пульнуло их как следует. Вблизи луна уже не казалась такой бандиткой: она протягивала свои лучи – голая, бездымная, – приглашая на раут в высшем собачьем обществе, но их уже потянуло вниз, как будто они налопались каши – вниз, к сугробам и непонятностям – вниз.

– Алта-а-а-а-ай! – Маруська закричала, но хвоста не отпустила.

Луна мельче-мельче, ехидная – ветки застучали по спинам и бокам – бух! – сугроб. Маруська лежала распластанная, с Алтаем за хвост (у которого, если что, хвост чуть не оторвался!), и смотрела, как ее обступают костлявые старикашки-деревья – умиленные, как над люлькой.

– Ай-ай-аф! Аф-аф!

– Куда ты меня тащишь, Алтай? Я устала. Я потеряла рюкзак. Я рассорилась с мамой. Эй! Не кусайся!

Наконец-то встала! Да тут недалеко уже! И красочней какая – нетронутые сугробы, сказочные елки в пуховиках из снега... Дальше без тропинки, но уж это извиняйте! Ветки пригибай, в глаз не залепляй!

– Интересно, а чей это лес?

– Пока ничей – хочешь, твой будет.

– Алтай! Ты научился говорить?

– Просто ты научилась меня понимать.

Вон эта опушка – ага, где лисицыны следы: тут по кромочке... Здесь щенками базу делали, тут купаться ходили, или нет – нет, не это дерево, слишком жирное; нет, не это, – слишком сухое. Ага. Ага. Тут. И посидеть еще можно, отдышаться – уф!

– Куда ты меня привел, Алтай? – Маруська подсе-ла на корточки – как настоящая собака.

– Могилка мамкина. Мы с братишками сделали.

Где три бревна треугольником, видишь?

Маруська, обхватив коленки, уважила и помолчала:

– А сколько вас?

– Было восемь, но двое откинулись. Еще один на Кавказ ушел, юга смотреть. Осталось пять.

– Понятно.

Так Маруська посидела немного и вдруг начала плакать. Алтай ее, конечно, давай утешать, морду лизать, плечико покусывать, а Маруська его отпихнула и прямо в землю рыдать. Долго плакала, скулила и задыхалась, пока не проплакала сугроб насквозь. И как подняла лицо – так увидела, что в кружочке этом вырос нежный фиолетовый цветочек.

Больше Алтай Маруську не видал – он на восток подался, но братишки и левые собаки (а они ужасные болтуны) передавали, что в город она все-таки переехала и даже поступила в институт (что-то там связанное с экологией). А летом – поехала к маме, уже как гостья, чай с сухариками пить, и очень смеялась, когда увидела, что на холодильнике жужжит какая-то коробочка – светится синим и щурится по-китайски.

Февраль 2021 года

